

И. К. КОБЛЯКОВ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В ПЕРИОД «СТРАННОЙ ВОЙНЫ»

[Сентябрь 1939 г.— апрель 1940 г.]

Ожесточенным нападкам и фальсификации на Западе подвергается внешняя политика Советского Союза кануна второй мировой войны и периода «странной войны». Одним из примеров искажения истории внешней политики СССР тех лет является книга американского историка Л. Фишера¹. Замалчивая роль США в осуществлении мюнхенскими политиками курса на стовор с гитлеровской Германией и в подталкивании последней к войне против СССР, Фишер вместе с тем пытается внушить читателю мысль, что Советский Союз будто бы содействовал развязыванию гитлеровской Германией второй мировой войны. В том же духе написана и другая его книга². Фальсифицирует цели советской внешней политики также и английский историк Е. Батлер, заявляя, что СССР-де вел дело к войне, которая якобы «по твердому убеждению коммунистов могла быть использована для достижения их революционной стратегии»³. Английский историк Д. Скотт-Даниэл, хотя и признает агрессивный характер политики «третьего рейха» и осуждает мюнхенскую политику, пытается, однако, утверждать, будто бы и СССР «не был заинтересован» в своевременном пресечении немецко-фашистской агрессии⁴. Английский историк Меддикотт в письме в газету «The Times» сокрушается в связи с тем, что война между СССР и Германией не началась в сентябре 1939 г.: «Насколько сильнее была бы советская позиция, если бы Россия, а не западные державы, вступила бы в войну в сентябре 1939 г. (!)»⁵. Подобного рода высказывания совпадают с тем, чего добивались английские и французские мюнхенцы, осуществлявшие политику умиротворения гитлеровской Германии и «канализации» ее агрессии на Восток против СССР.

Непрекращающаяся деятельность буржуазных фальсификаторов на Западе побуждает советских историков еще активнее и глубже изучать с марксистско-ленинских позиций историю второй мировой войны и, в частности, ее начального этапа⁶.

¹ L. F i s c h e r. Russian's Road from Peace to War. New York, 1969.

² L. F i s c h e r. The Road to Yalta. Soviet Foreign Relations 1941—1945. New York, 1972.

³ E. B u l t e r. The Red Pattern of World Conquest. Is It Now Too Late Defeat Communist? London, 1968, p. 34.

⁴ D. S c o t t - D a n i e l l. World War Two. London, 1967, p. 7.

⁵ «The Times», 17.III.1964.

⁶ Рассматриваемая в данной статье проблема освещалась как в общих, так и в монографических трудах и статьях советских историков: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I. М., 1960; «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II. 1939—1945 гг. Под ред. В. Г. Трухановского. М., 1962; «История внешней политики СССР», ч. I. 1917—1945 гг. Под

В настоящей статье делается попытка осветить некоторые наиболее важные аспекты внешней политики СССР, используя для этой цели опубликованные в последнее время в СССР и за рубежом источники. В частности документы Государственного архива Англии⁷, доступ к которым открыт недавно.

Начиная разбойничье нападение на Польшу, Гитлер был убежден, что Англия и Франция не станут всевать с Германией и если даже объявят войну, то «не пойдут дальше блокады». В действительности так оно и оказалось. Англия и Франция, объявив Германии войну (после трехдневных неудачных попыток достичь с ней сговора), фактически не оказали гарантированной ими помощи Польше, которая, оставленная один на один с фашистской Германией, была разгромлена в течение двух недель. В Лондоне и Париже надеялись, что Гитлер незамедлительно воспользуется этим и двинется против СССР. Так в конце концов будет спровоцирована германо-советская война. «Так как нападение Германии на Россию с целью завоевания Украины, которую она рассматривает как жизненное пространство для немецкого народа, является неизбежным, — с циничной откровенностью говорил министр иностранных дел Франции Бонне в беседе с итальянским послом в Париже 15 сентября 1939 г., — Германия по необходимости волей или неволей должна была пройти через Польшу»⁸. Именно поэтому Англия и Франция не вели военных действий против Германии на протяжении нескольких месяцев. Во Франции такое состояние называли «странной войной», а в Германии — «сидячей войной». Это по существу было продолжением прежней мюнхенской политики западных держав, приспособленной к специфической обстановке возникшего состояния войны с «третьим рейхом».

Восьми месяцев «странной войны» для Германии оказалось достаточно, чтобы завершить подготовку к войне в Западной Европе. Эта подготовка маскировалась демагогическими «мирными» речами и зондажами Гитлера, которые имели и другую цель — вновь активизировать лагерь западных мюнхенцев. Последние не замедлили усилить свою деятельность. Они утверждали, что война против Германии — это «ненужная война» и ее следовало превратить в войну всех капиталистических государств против Советского Союза. Тема «коммунистической угрозы» для Европы усиленно обсуждалась в правительственных кругах Англии в конце сентября 1939 г.⁹ В донесении от 4 октября 1939 г. посол США в Англии Кеннеди сообщал, что во время его визита к Галифаксу последний подчер-

ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1966; «История Коммунистической партии Советского Союза накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества 1938—1958 гг., кн. I (1938—1945 гг.), ч. I. М., 1970; «История СССР с древнейших времен до наших дней» (в 12-ти томах), т. IX. Построение социализма в СССР. 1933—1941 гг.; т. X. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., 1973; «История международных отношений и внешней политики СССР» (1870—1957). М., 1957; «История Коммунистической партии Советского Союза», 4-е изд. М., 1973; «История второй мировой войны. 1939—1945 гг.» (в 12-ти томах), т. 3. М., 1975; «История дипломатии», 2-е изд., т. IV. М., 1975; В. П. Смирнов. «Странная война» и поражение Франции. М., 1963; В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945 гг.). М., 1965; И. Д. Овсянник. Тайна, в которой рождалась война. М., 1971; П. П. Севостьянов. Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. — «Международная жизнь», 1972, № 10, 11; И. К. Кобляков. Борьба СССР за мир и коллективную безопасность (1938—1941 гг.). М., 1974; И. К. Кузьмичев. Борьба Советского Союза за мир и безопасность, против распространения фашистской агрессии (апрель 1940 г. — июнь 1941 г.). — «История СССР», 1974, № 1; И. Н. Земсков. Дипломатическая история открытия второго фронта в Европе (1941—1944 гг.) (Документальный обзор). — «Международная жизнь», 1970, № 3, 5, 11; 1974, № 4, 6, 9, 12; 1975, № 2, 3.

⁷ «Public Record Office» (далее — PRO).

⁸ R. G u a r i g l i a. Ricorde 1922—1946. Napoli, 1950, p. 424.

⁹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939», vol. I. Washington, 1956, p. 454.

... в беседе с ним: «продолжение войны будет означать победу большевиков во всей Европе»¹⁰.

Хотя гитлеровские «мирные условия» и были отклонены Францией 10 октября 1939 г. и Англией 12 октября, Лондон и Париж тем не менее от попыток поиска путей сговора с Германией за счет интересов других стран и прежде всего за счет СССР не отказались. В поисках возможного сговора определенные надежды на Западе возлагались на существовавшие секретные контакты с группой во главе с Герделером, Бекком и Остером. Они начались в сентябре 1939 г. при посредстве Ватикана¹¹, когда туда отправился деятель немецкой католической партии Иозеф Мюллер. Несколько позже в Рим из США прибыл епископ Тейлор. С английской стороны в переговорах участвовал британский посол при Ватикане Осборн, а также епископ Дж. Гриффин. За ходом переговоров следил лично министр иностранных дел Галифакс. Об антисоветской направленности этих переговоров свидетельствует проект, фигурировавший в качестве основы для соглашения (его предложили представители немецкой стороны). Он содержал три пункта:

«1. Крайне важно как можно скорее закончить эту бессмысленную войну.

2. Это необходимо, ибо усиливается опасность полного разрушения Европы и прежде всего ее большевизации.

3. Для нас Европа не поле сражения или объект великодержавия, она имеет ценность родины, в рамках которой здоровая, жизнеспособная Германия является неотъемлемым фактором как раз с учетом наличия большевистской России»¹².

Эти три пункта были переданы в Лондон. 1 февраля 1940 г. из Лондона поступил ответ, содержащий условия, на которых правительство Чемберлена соглашалось вести переговоры.

В это же время в Лондоне и Париже разрабатывались различные планы расширения зоны войны, в частности ее распространения на балканские страны¹³. Как признает генерал Гамелен в мемуарах, англо-французское командование добивалось, чтобы «Германия вместо того, чтобы направить свои усилия против Франции, ввязалась бы в операции на Балканах»¹⁴. Минимальный вариант этого плана предусматривал высадку небольшого англо-французского десанта в Салониках. Более широкий вариант строился на том, что Англия и Франция направят на Балканы пехоту, авиацию и морской флот. Предполагалось, что к ним присоединятся воинские части союзников Франции — Греции, Румынии, Югославии и Турции — и численность этих объединенных сил достигнет 110 дивизий¹⁵. Конечно, тяжесть войны несли бы балканские народы, которым предназначалась роль простых пешек в сложной политической игре англо-французских империалистов, признает Гамелен. «Мы могли бы включить в игру на нашей стороне новые силы... Мы выиграли бы время и получили возможность действовать во вторую очередь»¹⁶. Одновременно Верховный союзный совет, состряпанный из премьер-министров и главнокомандующих вооруженными силами Англии и Франции, в первые месяцы после объявления войны разработал план расширения зоны

¹⁰ Ibid., p. 502.

¹¹ Г. Дойч, Г. Хене. Заговор ради сговора. — «За рубежом», 1970, № 43, 44; J. L. Вгуанс. Blind Victory. London, 1951, p. 49—50, 67.

¹² Г. Дойч, Г. Хене. Указ. соч. — «За рубежом», 1970, № 44, стр. 22; «The von Hassel Diaries 1938—1944». New York, 1947, p. 125.

¹³ Подробнее см. Н. И. Лебедев. Балканский вариант. — «Новая и новейшая история», 1959, № 5.

¹⁴ M. G a m e l i n. Servir, t. III. La Guerre (Septembre 1939—19 mai 1940). Paris, 1947, p. 110.

¹⁵ «Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire», t. I. Paris, 1947, p. 67.

¹⁶ M. G a m e l i n. Op. cit., p. 110.

войны на скандинавские страны, о чем свидетельствует протокол заседания военного кабинета Англии 10 января 1940 г.¹⁷ На нем У. Черчилль, занимавший в правительстве Чемберлена пост первого лорда адмиралтейства (морского министра), заявил: «Нам выгодно, чтобы скандинавские страны рассорились с Германией и чтобы война распространилась на Скандинавию... Французское верховное командование полностью согласено с этой точкой зрения и готово, если понадобится, помочь своими альпийскими войсками»¹⁸.

Англо-французские варианты расширения сферы войны означали приближение фронта войны к границам Советского Союза. Созданием новых фронтов против гитлеровской Германии англо-французские политики надеялись добиться также ослабления последней, принудив ее заключить мир с западными державами, а затем начать общий поход против Советского Союза. В дополнение к этому с ноября 1939 г. в Лондоне стали разрабатывать планы прямого нападения на Советский Союз.

В создавшейся сложной международной обстановке, когда гитлеровские войска, разгромив Польшу, продвигались к границам СССР, а англо-французские империалисты при поддержке США проводили политику сговора с Гитлером с целью организации всеобщей войны против СССР, Советское правительство было вынуждено соблюдать величайшую осторожность, чтобы не дать втянуть Советское государство в военный конфликт. Оно руководствовалось ленинским указанием соединить осторожную дипломатию с твердой и решительной политикой в защите интересов Советского государства на международной арене, и прежде всего в борьбе против расширения войны. «Вся наша политика и пропаганда, — указывал В. И. Ленин, — направлена отнюдь не к тому, чтобы втягивать народы в войну, а чтобы положить конец войне»¹⁹.

В условиях начавшейся мировой войны Советский Союз проводил политику нейтралитета, о чем Советское правительство заявило в нотам, врученных 17 сентября 1939 г. послам и посланникам всех стран, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. Газета «Правда» писала: «Советский Союз хочет жить в мире со всеми странами. Советское правительство во всеуслышание заявило, что Советский Союз будет проводить политику нейтралитета в отношении всех стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения»²⁰.

Основная цель внешней политики Советского Союза тогда состояла в том, чтобы, сохраняя позицию нейтралитета и неучастия в войне, обеспечить советскому народу такие международные условия, которые позволили бы успешно продолжать социалистическое строительство в СССР и активно готовиться к обороне против надвигавшейся опасности со стороны мирового империализма, и прежде всего его ударной силы — германского фашизма. Особое значение имел для Советского Союза вопрос о времени будущего столкновения с Германией, поскольку было ясно, что рано или поздно гитлеровская Германия нападет на СССР. Советская дипломатия делала все возможное, чтобы удержать Германию в рамках обязательств по договору о ненападении и по возможности оттянуть такое нападение, не поступаясь при этом своими основными политическими принципами. В то же время Советское правительство принимало меры к тому, чтобы укрепить свою безопасность, используя возможности, протекающие из империалистических противоречий между Германией и ее соперниками.

¹⁷ PRO, Cab. 66/3. Central War Room.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 99.

²⁰ «Правда», 19.IX. 1939.

Политика, которую проводило Советское государство с первого дня войны, была в тех условиях единственно возможной. Она отвечала интересам не только советского народа, но и коренным интересам народов других стран, заинтересованных в ограничении сферы войны.

Приближение немецко-фашистского вермахта к западной границе СССР создало угрозу жизненно важным центрам Советской страны. Правительство СССР не могло допустить и того, чтобы Западная Украина и Западная Белоруссия, искони принадлежавшие России и заселенные почти целиком украинцами и белорусами, попали в руки гитлеровцев и были бы использованы последними в качестве плацдарма для нападения на СССР, а их 13-миллионное население превратилось бы в рабов «третьего рейха». Советское правительство считало священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населявшим Польшу. Речь шла об украинском и белорусском населении, проживавшем в пределах Польши с тех пор, как в 1920 г. буржуазно-помещичья Польша захватила украинские и белорусские земли. В ноте Советского правительства, врученной польскому послу в Москве 17 сентября 1939 г., указывалось, что в силу сложившейся обстановки оно отдало войскам приказ перейти границу и взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии²¹.

Попытки гитлеровцев захватить часть Западной Украины и Белоруссии были сорваны в результате быстрого продвижения Красной Армии. Она прошла на запад 250—350 км и освободила всю территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Вскоре там были проведены демократические выборы в народные собрания. Действуя в соответствии с единодушными требованиями народов этих областей, народные собрания провозгласили Советскую власть и обратились в Верховный Совет СССР с ходатайствами о принятии Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик. 1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон об удовлетворении просьбы Народного Собрания Западной Украины о ее включении в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой. Аналогичный закон Верховного Совета СССР об удовлетворении просьбы Народного Собрания Западной Белоруссии о включении ее в состав Советского Союза с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой последовал 2 ноября 1939 г.

СССР получил возможность начать строительство новых оборонительных рубежей вдоль западной границы украинских и белорусских земель. Это был далеко вынесенный на запад барьер на пути продвижения фашистского агрессора. Правительство Германии было вынуждено 28 сентября 1939 г. заключить новый советско-германский договор, по которому западная граница СССР устанавливалась по рекам Западный Буг и Нарев, т. е. примерно по так называемой «линии Керзона», предлагавшейся еще в 1919 г. Англией, Францией, США и некоторыми другими странами в качестве основанной на этнографической базе границы между Советской Россией и Польшей²².

Справедливость установления такой границы Советского Союза признавал и ряд крупных политических деятелей Запада. 1 октября 1939 г. Черчилль заявил в выступлении по радио: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не ос-

²¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV (1935—июнь 1941 гг.). М., 1946, стр. 448.

²² «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 356.

меливается напасть»²³. Д. Ллойд Джордж в письме польскому послу в Лондоне от 27 сентября 1939 г. отмечал: «Русские армии заняли территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после первой мировой войны. Жители польской Украины принадлежат к той же расе и пользуются тем же языком, что и их соседи, проживающие на территории Советской Украинской Республики. Я считаю делом первостепенного значения немедленно обратить внимание на эти важные соображения. Я сделал это из опасения, как бы мы неосторожно не начали войны против России, поддавшись впечатлению, что ее вмешательство имеет тот же характер, что и германское... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев»²⁴. Бывший французский посол в Варшаве Л. Ноэль, отвечая на вопрос о том, мог ли СССР при сложившейся к 17 сентября 1939 г. обстановке допустить, чтобы немецко-фашистская армия оккупировала всю территорию Польши, заявил: «Это было невозможно. Советский Союз обязательно должен был ввести свою армию, пока еще не было поздно»²⁵.

Но тогдашнее правительство Англии не внимало голосу здравого политического разума. Буквально на каждом шагу оно демонстрировало враждебное отношение к СССР, пыталось игнорировать права Советского Союза как нейтрального государства в вопросе о ведении торговли во время войны. Ссылаясь на объявление войны, английское правительство хотело установить контроль над внешней торговлей СССР. С этой целью правительство Британии в нотах от 6 и 11 сентября 1939 г. объявило часть товаров военной контрабандой и в одностороннем порядке установило систему досмотра торговых судов нейтральных стран. В ноте от 25 октября 1939 г. Советское правительство квалифицировало меры правительства Британии как незаконные и оставило за собой право требовать от Англии возмещения убытков, наносимых советским организациям и гражданам подобными мероприятиями²⁶.

* * *

Разгром и оккупация Польши в течение трех недель немецко-фашистской армией показали, что малые страны Прибалтики, граничившие с СССР, не смогут собственными силами оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления гитлеровской Германии, которая уже начала превращать Прибалтику в плацдарм для нападения на Советскую страну. Фашистские правительства Эстонии, Латвии и Литвы в любой момент могли быть использованы в антисоветских акциях как со стороны гитлеровской Германии, так и со стороны Англии и Франции.

В сентябре 1939 г. Советское правительство обратилось к правительствам стран Прибалтики с предложением подписать пакты о взаимной помощи. В результате последовавших переговоров 28 сентября 1939 г. СССР заключил пакт о взаимопомощи с Эстонией. 5 октября такой же пакт был подписан с Латвией и 10 октября — с Литвой²⁷. Договаривающиеся стороны обязывались оказывать друг другу всемерную помощь, в том числе и военную, в случае прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы независимо от того, будет ли произведено это нападение с моря или суши. Советский Союз обязывался на льготных условиях оказывать армиям каждой из этих стран помощь вооружением и прочими военными материалами. В целях укреп-

²³ W. Churchill. The Second World War, vol. I. London, 1949, p. 449.

²⁴ Цит. по: «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II, стр. 23.

²⁵ L. Noël. Une ambassade a Varsovie 1935—1939. L'Aggression allemande contre la Pologne. Paris, 1946, p. 501.

²⁶ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 459—460.

²⁷ Там же, стр. 450—451, 454—458.

безопасности СССР и прибалтийских стран последние предоставляли Советскому Союзу право иметь базы Военно-Морского Флота, аэродромы для авиации, а также держать на участках, отведенных под базы и аэродромы, за свой счет известное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил, численность которых надлежало установить по особому соглашению. Кроме того, договаривающиеся стороны обязывались не заключать какие-либо союзы и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон.

В целях закрепления дружбы с Литвой Советский Союз передавал ей город Вильно (Вильнюс) и Виленскую (Вильнюсскую) область. Пакт также предусматривал совместную с СССР защиту западной границы Литвы²⁸.

Заключались такие пакты не только в интересах укрепления безопасности СССР. Это соответствовало коренным интересам народов Прибалтики, обеспечивая им мир и ограждая от вторжения гитлеровской Германии. Пакты Советского Союза с тремя прибалтийскими странами способствовали упрочению мира и безопасности в этой части Европы и в зоне Балтийского моря. Одновременно они опрокидывали расчеты мюнхенцев на то, что Эстония, Литва и Латвия с их фашистскими режимами представят Гитлеру свою территорию в качестве «проходных ворот» для нападения на СССР и даже примут в нем участие.

* * *

Советский Союз всегда стремился иметь добрососедские отношения с Финляндией. Советско-финляндская граница проходила всего в 32 км от Ленинграда — второго по величине и значению города Советского Союза, колыбели Великой Октябрьской социалистической революции. Когда началась вторая мировая война, укрепление безопасности северо-западной границы Советского Союза стало, как никогда, актуальным и неотложным делом. Это признавали и некоторые здравомыслящие буржуазные деятели, публицисты и историки. «Для меня, — пишет английский журналист А. Верт, — а я находился тогда во Франции, было совершенно ясно, что исправление границы к северу и северо-западу от Ленинграда было жизненной необходимостью для Советского Союза ввиду возможности (и даже вероятности) нападения на него с этой стороны»²⁹. Советское правительство не могло закрывать глаза на то, что фашистская Германия и другие империалистические державы проявляли повышенный интерес к Финляндии. Тогдашние правящие круги Финляндии все более активно проводили открыто враждебную СССР политику, систематически раздувая оголтелую шовинистическую пропаганду о создании «Великой Финляндии», которая включала бы Ленинград и Советскую Карелию.

Поскольку сама Финляндия без помощи сильных союзников осуществить эту задачу не могла, ее бывший президент Э. П. Свинхувуд выдвинул тезис, вскоре ставший одним из краеугольных камней внешней политики реакционных деятелей Финляндии: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». В числе друзей и союзников реакционных правящих кругов Финляндии оказалась и гитлеровская Германия. Последняя постепенно прибирала к рукам Финляндию, превращая ее в плацдарм для нападения на СССР.

Озабоченное таким оборотом дел, Советское правительство неоднократно пыталось добиться решительного улучшения отношений с Финляндией. Одной из таких попыток было советское предложение, сделанное неофициальным путем в апреле 1938 г. финскому правительству, —

²⁸ Там же, стр. 457.

²⁹ А. В е р т. Россия в войне 1941—1945. М., 1967, стр. 62.

приступить к переговорам о заключении пакта о взаимопомощи³⁰. Заключение такого договора обеспечило бы безопасность северо-западных границ СССР, а также содействовало бы укреплению международных позиций Финляндии. Однако в ущерб своим собственным интересам правительство Финляндии отклонило советское предложение под предлогом, что заключение договора о взаимопомощи якобы «означало бы нарушение права самоопределения Финляндии». Кроме того, отказ мотивировался ссылкой на необходимость соблюдения Финляндией «нейтралитета»³¹. В то же время Финляндия стала лихорадочно вооружаться, используя для этой цели американские займы и англо-французские поставки вооружения и военных материалов. В 1938 г. 25% ее бюджета шло на военные цели. Под руководством немецких специалистов на Карельском перешейке воздвигались мощные укрепления, которые получили название «линии Маннергейма». Вдоль советско-финской границы строились военные аэродромы, количество и размеры которых свидетельствовали о том, что они были рассчитаны на ведение наступательных действий против СССР. Кроме того, финское правительство добивалось отмены конвенции о демилитаризации Аландских островов с тем, чтобы возводить там военные укрепления.

В начале марта 1939 г. Советское правительство предприняло новую попытку договориться с правящими кругами Финляндии, чтобы обеспечить интересы безопасности обеих стран. Оно внесло предложение о получении в аренду находящихся в Финском заливе островов Сурсари (Готланд), Лавансари, Сейскар (Сескар) и Тиуринсари для создания там военной базы, которая обеспечивала бы безопасность Ленинграда с моря. Советское предложение было сразу же отвергнуто правительством Кааяндера. В беседе с народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым финский посланник в Москве Ирие-Коскинен заявил 8 марта 1939 г.: «Финское правительство не находит возможным принять к рассмотрению предложение об аренде финских островов»³².

Несмотря на это, народный комиссар иностранных дел СССР все же пытался склонить Ирие-Коскинена продолжать обмен мнениями, выразив надежду, что сообщенный ему «сегодня ответ не является последним словом финского правительства и что оно готово будет пересмотреть свое отношение к нашему предложению»³³. Более того, стремясь не допустить прекращения уже начавшегося обмена мнениями по этому вопросу, М. М. Литвинов в той же беседе внес новое предложение: «Мне лично кажется, — говорил он, — что можно было бы даже перевести переговоры в плоскость обмена территориями. Для Финляндии, например, могла бы представить бóльший интерес уступка ей соответственной части нашей территории вдоль Карельской границы, чем бесплодные острова». М. М. Литвинов просил посланника предложить финскому правительству еще раз обсудить вопрос с учетом высказанной аргументации³⁴. Советское правительство официально предложило Финляндии обменяться территориями, изъявив готовность передать ей за указанные выше острова вдвое бóльшую территорию Советской Карелии³⁵.

Но, как и раньше, финляндское правительство не захотело по-деловому обсудить советское предложение, и поэтому в апреле 1939 г. эти переговоры были прекращены. Правительство Кааяндера отказалось улучшать отношения с СССР, идя в этом вопросе против жизненных ин-

³⁰ «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 364.

³¹ В. Г. Федоров. Финляндия и империалистические державы накануне второй мировой войны. — «Новая и новейшая история», 1964, № 6, стр. 47.

³² АВП СССР. Запись беседы Литвинова с Ирие-Коскиненом от 8 марта 1939 г.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

интересов финского народа, заинтересованного в сохранении мирных отношений с СССР.

Во время англо-франко-советских военных переговоров в Москве в августе 1939 г. финляндское правительство снова продемонстрировало неприимное отношение к миролюбивым предложениям СССР, заявив, что оно не желает получать от Советского правительства помощи в случае агрессии против Финляндии. Правительство Каяндера постаралось придать характер явной антисоветской демонстрации состоявшимся в августе 1939 г. военным маневрам, в которых участвовали почти вся финляндская армия, резервисты и шюцкор (фашистские отряды). Финляндское правительство использовало прибытие на эти маневры министра обороны Швеции, чтобы обсудить с ним вопрос об участии Швеции «в возможной войне Финляндии с СССР»³⁶. На случай «возможной войны» с СССР правительство Финляндии приняло законы об усилении военной готовности и ввело всеобщую трудовую повинность. По всей стране были проведены аресты так называемых неблагонадежных, еще больше усилилась антисоветская пропаганда, изображавшая СССР как «исконного врага» Финляндии.

С началом второй мировой войны, когда территория Финляндии легко могла стать плацдармом агрессии той или иной воюющей империалистической группировки, Советское правительство предложило 5 октября 1939 г. правительству Финляндии «ввиду изменившегося международного положения вследствие войны» возобновить переговоры «по конкретным политическим вопросам» и, в частности, рассмотреть советское предложение о заключении пакта о взаимопомощи³⁷. Для ведения переговоров 11 октября в Москву прибыл государственный советник Ю. К. Паасикиви, занимавший пост финляндского посланника в Стокгольме.

Ю. К. Паасикиви и другие члены делегации были приняты И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Президент Финляндии У. К. Кекконен в речи на торжественном собрании в Хельсинки 4 апреля 1973 г. по случаю 25-летия советско-финляндского договора о взаимной помощи рассказал, ссылаясь на воспоминания Паасикиви, об этих переговорах следующее: «И. В. Сталин спросил, готова ли делегация к переговорам о возможном заключении договора об оборонительном союзе между Советским Союзом и Финляндией. Когда со стороны нашей делегации заявили, что правительство Финляндии, которое предварительно обсуждало возможность и такой инициативы в Москве, не уполномочило делегацию на переговоры о ней, И. В. Сталин констатировал, что в таком случае Советский Союз вынужден предложить, учитывая в первую очередь военную безопасность Ленинграда, обмен некоторых территорий. Мысль об оборонительном союзе была таким образом в первый раз высказана на переговорах между Советским Союзом и Финляндией и была вновь поднята именно как альтернатива необходимым в ином случае территориальным уступкам»³⁸. Во время беседы Паасикиви старался понять позицию советской стороны, обусловленную опасениями о том, что территория Финляндии может быть использована другим государством для нападения на СССР. Позже он так определил эту позицию: «Советский Союз хочет так устроить дела в отношении Финляндии, чтобы он мог доверять Финляндии и чтобы Финляндия больше никогда не выступала на стороне врагов Советского Союза»³⁹. Возвращаясь к этим переговорам, У. К. Кекконен в сентябре 1963 г. говорил: «Когда сейчас, спустя более чем двадцать лет, мы поставили

³⁶ В. Г. Федоров. Указ. соч., стр. 48.

³⁷ «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 365.

³⁸ «Suomenmaa», 5.IV.1973.

³⁹ «Линия Паасикиви». Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви. 1944—1956 гг. М., 1958, стр. 54; см. также Ю. С. Борисов, Л. А. Ингульска я. Паасикиви и новый внешнеполитический курс Финляндии. — «Новая и новейшая история», 1971, № 2, стр. 81.

себя в положение Советского Союза, то в свете гитлеровского нападения на Советский Союз в 1941 г. становится понятней и та озабоченность, которую СССР испытывал и должен был испытывать в отношении своей безопасности в конце тридцатых годов»⁴⁰. Но совершенно иначе относилось к законной тревоге СССР за свою безопасность тогдашнее правительство Финляндии, политику которого в отношении Советского Союза определял реакционер В. Таннер. Именно он прибыл в Москву для участия в переговорах. Пока переговоры вел Паасикиви, они имели большие шансы на успех. Но, как только в переговорах стал принимать участие Таннер, позиция финляндской стороны резко изменилась в худшую сторону. Касаясь роли Таннера в этих переговорах, глава Советского правительства говорил послу США в Москве 2 декабря 1939 г.: «Если бы переговоры со стороны Финляндии вел г. Паасикиви, без участия г. Таннера, как это было в первый период переговоров, то переговоры, вероятно, закончились бы приемлемым соглашением. Но участие г. Таннера в переговорах испортило все дело и, видимо, связало руки г. Паасикиви»⁴¹.

После появления Таннера в составе финляндской делегации она стала отвергать все советские предложения и срыв переговоров оказался неизбежным. Вмешательство правительства США в эти переговоры (послание президента США Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину от 12 октября 1939 г.) только поощрило правительство Финляндии занять непримиримую позицию по отношению к советским предложениям. Большое влияние на позицию финляндского правительства оказали Англия и Франция, а также фашистская Германия. Все они добивались срыва переговоров и поощряли Финляндию к отказу от какого бы то ни было соглашения с СССР.

В результате финляндская сторона категорически отклонила советское предложение о заключении пакта о взаимопомощи. Тогда Советское правительство 14 октября внесло новое предложение — сдать в аренду СССР сроком на 30 лет порт Ханко, а также передать Советскому Союзу в обмен на советскую территорию в 5523 кв. км в районе Реболы и Поросозера (Карельская АССР) островов Готланд, Сескар, Лавансари, Тиуринсари, Вьетрке, часть Карельского перешейка и часть полуострова Рыбачий и Средний — всего 2761 кв. км. Таким образом, Советский Союз предложил вдвое большую территорию.

В ходе переговоров с Финляндией Советское правительство искренне хотело добиться взаимопонимания с тогдашними финляндскими руководителями. Оно стремилось к соглашению на взаимоприемлемой, равноправной основе, которое явилось бы отправной точкой для развития дружественных советско-финляндских решений, для создания атмосферы взаимного доверия. Этим же стремлением было продиктовано и последующее советское предложение о том, чтобы СССР и Финляндия обоюдно разружили укрепленный район на Карельском перешейке вдоль советско-финляндской границы, оставив на этой границе обычную пограничную охрану. Однако и это советское предложение было отклонено финляндской стороной⁴².

Финляндия «тщательно оберегала представление о себе как «форпосте Запада» и избегала двустороннего урегулирования с Советским Союзом, — говорил У. Кекконен 15 октября 1974 г. на собрании, посвященном 30-й годовщине подписания соглашения о перемирии между СССР и Финляндией. — Тем самым, однако, было предотвращено возникновение основанных на доверии отношений с Советским Союзом»⁴³.

⁴⁰ Цит. по: «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история». М., 1965, стр. 46.

⁴¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 471.

⁴² АВП СССР. Записка финского правительства правительству СССР от 3 ноября 1939 г.

⁴³ «Правда», 16.X.1974.

Вскоре правительство Финляндии прервало переговоры; 13 ноября эта делегация выехала из Москвы. По возвращении делегации в Хельсинки министр иностранных дел Эркко заявил, что Финляндия имеет «более важные дела», чем переговоры с СССР. Срыв этих переговоров Ю. К. Пасиона назвал «одной из наиболее серьезных и тяжелых ошибок в серии внешнеполитических просчетов Финляндии» того времени⁴⁴.

12 ноября 1939 г. ТАСС опубликовал опровержение лживых инсинуаций иностранной печати о том, будто Советское правительство отклонило «последние уступки, которые были сделаны Финляндией». В нем говорилось также, что «до последнего времени на Карельском перешейке финны имели две-три дивизии на фронте против Ленинграда, а теперь они увеличили число дивизий, висящих над Ленинградом, до семи, демонстрируя этим свою неуступчивость»⁴⁵.

Подстрекаемое извне правительство Каяндера готовилось к войне с Советским Союзом: на границе с СССР происходили вооруженные провокации. СССР был вынужден 28 ноября 1939 г. денонсировать договор 1932 г. о ненападении с Финляндией. 29 ноября финляндскому посланнику в Москве было сообщено, что Советское правительство «не может больше поддерживать нормальные отношения с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей»⁴⁶. Но даже после этого правительство Каяндера не вяло голосу разума. Финляндская реакция вынашивала планы создания «Великой Финляндии» за счет советской территории. Правительство Финляндии, подстрекаемое дипломатией западных стран, явно шло на провоцирование военного конфликта между Финляндией и СССР.

В период советско-финляндского военного конфликта, начавшегося в конце 1939 г., с наибольшей полнотой проявилось стремление тогдашних англо-французских политиков расширить этот конфликт и превратить его в общую войну капиталистических держав обеих империалистических группировок против СССР. Английский историк А. Тейлор, характеризуя англо-французскую политику того периода, писал: «Мотивы намечавшейся экспедиции в Финляндию противоречат здравому смыслу. Для Великобритании и Франции провоцировать войну с Россией, когда они уже находились в войне с Германией, представляется сумасшествием, и это наводит на мысль о более зловещем плане: направить войну по антибольшевистскому курсу, с тем чтобы война против Германии могла быть забыта или даже закончена»⁴⁷.

Правительства Англии и Франции направляли в Финляндию оружие. Согласно заявлению Чемберлена от 19 марта 1940 г., Англия послала в Финляндию 101 самолет, 214 орудий, 185 тыс. снарядов, 50 тыс. ручных гранат, 15 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин и другие военные материалы⁴⁸. Правительство Даладье, несмотря на то, что гитлеровские войска в это время сосредоточивались на границах Франции, направило в Финляндию 175 самолетов, 496 орудий, более 5 тыс. пулеметов, 400 морских мин, 200 тыс. гранат, 2 млн. патронов⁴⁹.

Финансово-экономическую и политическую помощь Финляндии во время советско-финляндского конфликта оказывали правящие круги США. Помимо посылки оружия и боеприпасов США предоставили Финляндии заем для закупки американского вооружения. 2 декабря 1939 г. США наложили так называемое моральное эмбарго на торговлю с СССР, что было равнозначно торговому бойкоту. Все это усиливало позиции крайне пра-

⁴⁴ См. В. Г. Федоров. Указ. соч., стр. 51.

⁴⁵ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 461.

⁴⁶ Там же, стр. 466.

⁴⁷ А. J. T a y l o r. English History, 1914—1945. Oxford, 1965, p. 469.

⁴⁸ «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 366.

⁴⁹ «Annales de la Chambre des députés. Debats parlementaires». Paris, 1940, p. 508.

вых шовинистических элементов в Финляндии, решительных противников скорейшего окончания конфликта.

Правительства Англии и Франции под предлогом «помощи» Финляндии сами готовились начать против СССР военные действия. Уже в декабре 1939 г. англо-французское военное командование обсуждало вопрос о посылке в Финляндию англо-французских войск. Для этой цели срочно готовили 150-тысячный экспедиционный корпус. На заседании Верховного Союзного Совета 5 февраля 1940 г. было внесено решение послать в Финляндию англо-французские войска⁵⁰. Одновременно правительства Чемберлена и Даладье развернули широкую политико-дипломатическую кампанию, которая имела целью подготовить общественность к военному вмешательству англо-французского империализма в советско-финляндский конфликт. В ней активно участвовали и США. Для этой цели была использована и Лига наций. По настоянию западных держав 14 декабря 1939 г. было созвано внеочередное заседание Совета Лиги наций, на котором был разыгран фарс исключения СССР из Лиги.

Англия и Франция усиливали нажим на Швецию и Норвегию, добиваясь разрешения на проход англо-французского экспедиционного корпуса через их территории. Одновременно принимались меры заставить правительство Финляндии официально обратиться в Лондон и Париж с просьбой о помощи, чтобы таким образом оправдать планировавшееся вступление Англии и Франции в войну против Советского государства. Тогда же последние попытались втянуть Швецию и Норвегию в войну с Советской страной. 27 декабря 1939 г. правительство Чемберлена приняло решение немедленно информировать Швецию и Норвегию о том, что Англия и Франция «готовы прийти им на помощь в случае осложнений, которые могут иметь место, если Швеция и Норвегия окажут помощь Финляндии»⁵¹. Было очевидным, что разрешение правительств Швеции и Норвегии использовать шведскую и норвежскую территории для прохода в Финляндию англо-французских войск было бы несовместимо с политикой нейтралитета и могло бы привести к втягиванию этих стран в войну с СССР. Советское правительство предупредило тогда правительства Швеции и Норвегии, что нарушение нейтралитета чревато для них тяжелыми последствиями. Шведское и норвежское правительства отказались дать требуемое Англией и Францией разрешение.

Правительство Рюти еще в конце декабря 1939 г. не могло не видеть неизбежности поражения, однако оно продолжало сопротивляться в надежде на скорое англо-французское вмешательство. Как свидетельствует запись беседы финляндского премьер-министра с американским посланником в Хельсинки, состоявшейся 4 января 1940 г., финское правительство обратилось тогда к США и ряду других стран с просьбой о посредничестве в налаживании двусторонних переговоров «с целью прекращения военных действий между Финляндией и Россией, даже если прекращение огня произойдет не сразу»⁵². При этом премьер-министр оставил выбор момента на усмотрение американского правительства.

Почти в течение целого месяца правительство США выжидало. Только в конце января 1940 г. госдепартамент дал указание своему послу в Москве предложить Советскому правительству американские услуги в поисках средств к «прекращению конфликта без дальнейшего кровопролития», причем послу предписывалось представить этот демарш как предпринимаемый исключительно по американской инициативе⁵³.

⁵⁰ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941. London, 1957, p. 107—108.

⁵¹ Ibid., p. 122.

⁵² «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940» (далее — FR, 1940), vol. I. General. Washington, 1959, p. 271.

⁵³ Ibid., p. 281.

Лишь 2 февраля финляндское предложение было передано правительству СССР. Но к этому времени Советское правительство уже не нуждалось в таком посредничестве, так как ему удалось самому установить необходимые контакты с правительством Финляндии.

Советский Союз активно использовал дипломатические и политические средства, чтобы поскорее разрешить советско-финский конфликт за столом переговоров. 5 февраля финляндский премьер-министр информировал американского посланника в Хельсинки, что Советский Союз зондирует через шведских представителей возможность установления контактов с финляндским правительством⁵⁴.

Советское правительство передало тогда через шведское правительство неофициальное послание, в котором изъявляло готовность рассмотреть предложения Финляндии. Однако правительство Финляндии не реагировало на этот миролюбивый жест; оно все еще рассчитывало на военную помощь Англии и Франции и согласие Швеции на пропуск иностранных войск на финляндскую территорию. Посланник Финляндии в Стокгольме в беседе с тамошним посланником США признал, что его правительство отклонило советские условия, надеясь на возможность «получения эффективной помощи от Швеции, а затем и от союзников»⁵⁵. Министр иностранных дел Финляндии Таннер, уступая давлению западных держав, явно не торопился завершить неофициальный обмен мнениями с советской стороной и приступить к мирным переговорам между СССР и Финляндией.

Советское правительство видело, какую опасную игру ведут Англия и Франция, используя для этой цели правительство Рюти — Таннера. Поэтому оно вновь проявило инициативу, сообщив 23 февраля через А. М. Коллонтай свои мирные условия. Оно обратилось также к правительству Чемберлена с просьбой передать эти условия Финляндии и взять на себя роль посредника в налаживании советско-финляндского мирного диалога. Это могло бы нейтрализовать деятельность английского правительства, стремившегося затянуть советско-финляндский военный конфликт. Но правительство Чемберлена отклонило советское предложение: 24 февраля заместитель министра иностранных дел Дж. Батлер заявил советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому, что британское правительство считает для себя невозможным передать советские мирные условия и «очень жалеет, что оно сейчас не в состоянии взять на себя посредническую роль»⁵⁶. 27 февраля Таннер снова отправился в Стокгольм за помощью. 28 февраля Советское правительство при посредничестве Швеции повторило правительству Финляндии свои мирные предложения. К этому времени части Красной Армии преодолели главную полосу «линии Маннергейма». Им был открыт путь на Хельсинки. Финляндия уже утратила надежды на дальнейшую военную англо-французскую поддержку в связи с решительным отказом Швеции пропустить англо-французские войска через свою территорию. Поэтому правительство Рюти заявило о согласии вступить с СССР в мирные переговоры и сообщило А. М. Коллонтай, что оно в принципе принимает советские условия, рассматривая их «как отправную точку для переговоров»⁵⁷.

4 марта Маннергейм признал, что финляндские войска на Карельском перешейке находятся в критическом положении. Но вопреки здравому смыслу правительство Рюти, следуя советам Лондона и Парижа, всячески затягивало посылку делегации в Москву для ведения переговоров⁵⁸.

⁵⁴ Ibid., p. 287.

⁵⁵ Ibid., p. 298—299.

⁵⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I. М., 1960, стр. 272.

⁵⁷ V. T a n n e r. The Winter War. California, 1957, p. 198.

⁵⁸ Ibid., p. 203.

Проявляя большую выдержку, Советское правительство продолжало прилагать усилия, направленные на возможно скорейшее начало мирных переговоров: 6 марта оно снова обратилось к финляндскому правительству с предложением прислать делегацию для ведения переговоров. На этот раз правительство Финляндии дало согласие и направило в Москву делегацию во главе с Рюти. Первое официальное заседание советской и финляндской делегаций на переговорах о заключении мирного договора состоялось 7 марта. Ознакомившись с советскими мирными предложениями, финляндская делегация попросила дать ей время для консультаций с Хельсинки и западными державами.

Между тем Чемберлен, выступая 11 марта в парламенте, заявил, что английское и французское правительства и впредь будут оказывать помощь Финляндии. Имея в виду посылку в Финляндию англо-французского экспедиционного корпуса, Лондон и Париж еще раз напомнили правительству Финляндии, что если оно пожелает, то «акция Запада будет немедленно начата, Норвегию и Швецию больше не спросят, их только проинформируют»⁵⁹.

Однако военное положение Финляндии повелительно требовало немедленного заключения мира с СССР, тем более, что советские условия мирного договора не содержали ничего несовместимого с честью и независимостью Финляндии как суверенного государства. Поэтому советско-финляндские переговоры завершились 12 марта 1940 г. подписанием мирного договора между СССР и Финляндией⁶⁰. Он обеспечивал Финляндии полную независимость и невмешательство в ее внутренние дела. «Обе Договаривающиеся Стороны, — гласила статья 3-я Договора, — обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»⁶¹. В результате подписания Московского договора была создана необходимая основа для развития добрососедских отношений между СССР и Финляндией. Заключение советско-финляндского мирного договора расстроило замыслы англо-французских империалистов об организации войны против СССР на севере. Отмечая недовольство правящих кругов Англии и Франции заключением этого договора, А. Верт писал: «Когда в начале марта Финляндия заключила мир с Советским Союзом, это явилось для всех таких людей в Англии и Франции большим разочарованием»⁶².

* * *

Одновременно с планами нападения на СССР с севера англо-французское военное командование разрабатывало план военных операций для непосредственного вторжения на Кавказ и бомбардировки Закавказья, в особенности бакинских нефтепромыслов.

Англо-французский план нападения на советские нефтепромыслы на Кавказе обсуждался длительное время соответствующими английскими и французскими военными специалистами на самых различных уровнях, включая заседание Верховного союзного совета. Тейлор пишет, что «военный кабинет продолжал заниматься этой проблемой и обсуждал ее по крайней мере 60 раз. В начале марта было принято решение начать продвижение вперед и командующим с радостью заявили, что серьезного сопротивления ожидать не следует»⁶³.

⁵⁹ E. M a s e n g. 1905 og 1940. En Leksion in Maktpolitik. Oslo, 1953, s. 214.

⁶⁰ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 493—495.

⁶¹ Там же, стр. 495.

⁶² А. В е р т. Указ. соч., стр. 63.

⁶³ А. Т а у л о г. Op. cit., p. 469.

Документы 1940 г. английского правительства свидетельствуют, что одним из первых вариантов плана нападения на кавказские нефтепромыслы был проект, составленный в январе 1940 г. подкомитетом по планированию комитета начальников штабов, озаглавленный «Военные последствия объявления войны России». Затем он был переработан и представлен на рассмотрение заседания подкомитета военного кабинета, которое состоялось 1 марта 1940 г.⁶⁴ Составители проекта пришли к выводу, что целесообразнее вместо войны с Германией начать войну с Советским Союзом.

В докладе комитета начальников штабов, представленном военному кабинету, указывалось, что 80% советского производства нефти и 65% мощностей по ее переработке сосредоточены на Кавказе⁶⁵. Английское правительство дало поэтому указание о подготовке воздушных бомбардировок Баку, Грозного, Батуми и других советских промышленных центров. «Именно в этом районе, — говорилось в докладе комитета начальников штабов от 8 марта 1940 г., — союзники могли бы нанести удар по России особенно эффективно». Осуществление этой задачи предполагалось провести «в течение нескольких недель по крайней мере тремя эскадрильями бомбардировщиков»⁶⁶. Правда, британское правительство опасалось, что СССР в ответ может нанести удар своей авиацией по важнейшим английским коммуникациям на Ближнем и Среднем Востоке, в результате которого будут выведены из строя важнейшие источники снабжения Англии нефтью. К тому же еще надо было заручиться согласием правительств Ирана и Турции принять участие в замышляемых военных авантюрах против Страны Советов⁶⁷. Между тем иранское и турецкое правительства не проявляли желания принять в них участие. 27 марта 1940 г. английский эмиссар Морган сообщал из Анкары, что Турция не проявляет желания участвовать или предоставить технические средства для осуществления нападения на Баку и в данный момент не готова воевать с Советским Союзом⁶⁸. Иранское правительство заняло такую же позицию⁶⁹.

27 марта 1940 г. в Лондоне состоялось совместное совещание англо-французского высшего военного командования, на котором рассматривались такие вопросы, как блокада Черного моря и воздушная бомбардировка кавказских нефтепромыслов и нефтеочистительных заводов⁷⁰. 28 марта 1940 г. Верховный союзный совет принял по инициативе французского премьер-министра П. Рейно решение о бомбардировке советских нефтепромыслов на Кавказе⁷¹.

Несмотря на то что в начале апреля 1940 г. началось вторжение немецко-фашистских войск в Норвегию и Данию, Рейно при встрече с английским послом напомнил последнему о решении Верховного союзного совета от 28 марта о бомбардировке Баку. Телеграмма о беседе с Рейно обсуждалась на заседании английского кабинета 15 апреля 1940 г., на котором было решено, что министр авиации С. Хор займется изучением данного вопроса⁷².

Одновременно многие буржуазные газеты Англии и Франции развернули шумную антисоветскую кампанию с целью подготовки общественного мнения этих стран к войне против СССР. Во Франции в качестве повода для такой пропаганды была использована открытая телеграмма, посланная полпредом СССР в Париже Я. З. Сурицем в Москву в связи

⁶⁴ PRO, Cab. 79/3; FO 371/24846.

⁶⁵ PRO, FO 371/24846, p. 313.

⁶⁶ Ibid., p. 244.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ Ibid., p. 291.

⁶⁹ Ibid., p. 303.

⁷⁰ PRO, Cab. 79/3, p. 213.

⁷¹ PRO, Cab. 99/3, p. 23.

⁷² PRO, Cab. 65/5, p. 125.

с заключением советско-финляндского мирного договора 12 марта 1940 г., содержащая фразу о планах «англо-французских поджигателей войны». Правительство Даладьё поспешило заявить, что Сурид более не будет считаться им «*persona grata*», и поставило вопрос о его отозвании. После этого представительства СССР и Франции остались на уровне временных поверенных в делах. Это было еще одним свидетельством близорукой политики правящих кругов Франции, которая в условиях войны с Германией особенно нуждалась в поддержке с СССР дружественных отношений.

В конце марта 1940 г. французские власти наложили арест на денежные суммы, которые должны были выплатить французские фирмы советским организациям, по поводу чего НКВД СССР заявил решительный протест⁷³. 28 марта французские военные корабли незаконно задержали в дальневосточных водах два советских парохода — «Селенга» и «Маяковский». Их команды были арестованы, а суда отведены в Сайгон и Хайфон. 26 апреля 1940 г. был наложен арест на ценности торгпредства СССР во Франции. Характеризуя близорукую антинациональную политику тогдашних французских правителей, генерал де Голль писал, что они «были больше озабочены тем, как нанести удар России — оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией»⁷⁴.

Правительства Англии и Франции не хотели вести настоящую войну против Германии. Характеризуя их политику, И. В. Сталин говорил в начале мая 1940 г. маршалу Г. К. Жукову: «Французское правительство во главе с Даладьё и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за недальновидную политику»⁷⁵.

Почти восемь месяцев англо-французские мюнхенцы предоставили фашистской Германии для подготовки наступления на Западе. 9 апреля 1940 г. Германия начала наступление против Норвегии и Дании, которое завершилось оккупацией этих стран. 10 мая 1940 г. гитлеровские армии вторглись в Бельгию, разгромили англо-французские войска и вскоре вошли в Париж. Таков был трагический для западных союзников конец «странной войны».

В противоположность западным державам, стремившимся сговориться с Гитлером и передвинуть войну с Запада на Восток, СССР проводил в период «странной войны» единственно правильную политику, всячески стремясь ограничить сферу войны, прилагая максимальные мирные усилия. Внешняя политика Советского правительства продлевала для нашей страны мирную передышку, давала возможность укрепить обороноспособность первого в мире социалистического государства, подготовиться к отпору фашистскому агрессору. Дальнейший ход событий подтвердил правильность и дальновидность этой политики.

⁷³ АВП СССР. Нота НКВД посольству Франции в СССР от 23 марта 1940 г.

⁷⁴ Ш. де Г о л л ь. Военные мемуары, т. I. Призыв. 1940—1942 гг. М., 1957, стр. 61.

⁷⁵ Г. К. Ж у к о в. Воспоминания и размышления, т. I. 2-е изд. М., 1974, стр. 184.